

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

A detailed fantasy illustration for a book cover. In the center, a man in ornate, dark armor with glowing blue runes stands prominently. He holds a flaming torch in his left hand and a glowing blue flame in his right. Behind him, a woman with long, flowing blonde hair and a dark, ethereal dress floats. The background features a dark, stormy sky with a full moon and a distant, dark castle on a rocky shore. The overall color palette is dominated by blues, greys, and blacks, with highlights from the flames and magic.

ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ
И ПЛАМЯ РЕВНОСТИ

Сергей Патрушев

Ледяное Сердце и Пламя Ревности

«Автор»

2026

Патрушев С.

Ледяное Сердце и Пламя Ревности / С. Патрушев — «Автор»,
2026

Когда пепел сожжённого графства оседает на руинах, Лео Дократ выходит за порог с пустыми руками, но впервые с целым сердцем. Он ищет спасения в солёном мраке портов, не зная, что самый страшный монстр — его собственная одержимость уже мертв. В это же время Селия, скованная вечным льдом за дерзость любить, плывет в монастырь, где тишина убивает громче крика. Ключ повернут. Корабль отходит от причала. Но что страшнее: лёд, замораживающий душу изнутри, или огонь, оставляющий после себя лишь звенящую пустоту? Выбор сделан, но цена ещё не названа.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение в Нельвию	5
Глава 2. Награда и «Белая Чайка»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Ледяное Сердце и Пламя Ревности

Глава 1. Возвращение в Нельвию

Снег в Нельвии никогда не был чистым. Даже в самые лютые морозы, когда дыхание замерзло в бороде, а деревья покрывались толстой коркой инея, городская сажа умудрялась найти путь с небес на землю. Она оседала на сугробах серой, жирной пленкой, превращая пушистое зимнее великолепие в грязную, утоптанную кашу, которая к середине февраля смерзлась в камень.

Лео ступал по этой каше тяжелыми, подбитыми сталью сапогами. Каждый шаг отдавался тупой болью в пояснице. Он отсутствовал всего неделю, но чувствовал себя так, словно вернулся из десятилетней ссылки.

За собой, на толстой цепи из зачарованной стали, он волок трофей.

Огромная туша снежного тролля оставляла в грязном снегу глубокую борозду. Монстр весил не меньше трех тонн. Его синяя, покрытая наростами кожа давно потеряла глянец блеска смерти и покрылась дорожной пылью, но даже в таком виде он внушал ужас редким утренним прохожим. В распахнутой пасти, усеянной желтыми клыками размером с хороший кинжал, намерзла кровавая ледяная корка. Один глаз тролля был выбит метким ударом клевца, но второй — мутный, белесый — все еще таранился в низкое свинцовое небо.

Лео не смотрел на тушу. Он смотрел только вперед, на массивные Медные ворота столицы. Пальцы, закованные в латную рукавицу, онемели от холода, но кисть не разжимала рукоять цепи. Стоит ослабить хватку — и зачарованная сталь может сорваться, ударить по ногам или, что хуже, позволить трофею зацепиться за брусчатку. Тогда придется рубить цепь, а это потеря веса. А потеря веса — это потеря золота.

Сначала его никто не заметил. Нельвия просыпалась тяжело, под звон колоколов Храма Двух Сестер и надсадный кашель трубочистов. Торговцы только начинали раскрывать свои палатки на Рыночной площади, выпуская в морозный воздух клубы пара вместе с запахами жареного жира и дешевого эля.

Первым его учуял стражник на надвратной башне. Он лениво перегнулся через зубец, собираясь сплюнуть в сугроб, да так и замер с открытым ртом. Лео видел его силуэт на фоне серого неба — крошечная, неподвижная фигурка. Через мгновение тишину разорвал удар медного гонга.

— Ворота! — заорал стражник срывающимся голосом. — Ворота нараспашку! Живо!

Тяжелые створки, способные выдержать удар осадного тарана, дрогнули и начали разъезжаться. Скрип несмазанных петель разнесся над засыпающим рвом. Лео даже не замедлил шага. Он просто втащил свою ношу в тень надвратной башни.

И тут началось.

Сначала был шепот. Он зародился где-то в толпе зевак, высыпавших на звук гонга, и покатился по улице, как сухой лист по ветру. — Это же он... — Снова он... — Белый Волк вернулся.

Затем шепот перерос в гул. А потом кто-то, осмелев, выкрикнул его имя.

— Лео!

Толпа хлынула на мостовую. Люди выплескивались из переулков, из дверей таверн, из окон верхних этажей. Они не бежали — они текли, как река, запрудив широкую улицу, ведущую от ворот к центру города. Купцы бросали свои товары. Нищие, обычно скулящие о подавании, поднимались на ноги, забыв о своих костылях.

Лео шел сквозь них, как ледокол сквозь весенний лед. Он не поднимал головы, глядя прямо перед собой, на булыжники мостовой. Он знал этот ритуал. Знал их лица. Вот пекарь, у которого он вчера купил черствую краюху. Вот шлюха из «Пьяной русалки», которая строила ему глазки перед уходом. Вот мальчишка-оборванец, который всегда норовит срезать кошельки у ротозеев. Сейчас их лица были чисты. На них не было ни жадности, ни похоти, ни воровства. Только первобытный, животный восторг.

— Тролля притащил! Мать честная, какого же он размера! — орал кто-то прямо над ухом, но Лео даже не моргнул. — Глаза! Вы видели его глаза? Лед! Чистый лед!

Лео на секунду скосил взгляд. Да, его глаза. Карие, почти желтые радужки, окруженные сеткой лопнувших сосудов — профессиональная болезнь тех, кто смотрит на снежные пустоши без защитных линз. Но сейчас, в полумраке ворот, отражая свет факелов, они действительно казались кусками мутного, древнего льда. И в них не было триумфа. Была только бесконечная, выматывающая усталость.

Цепь натянулась. Туша тролля зацепилась за выбитый камень. Лео намотал звено на запястье, уперся ногами в брусчатку и рванул. Мышцы спины вздулись буграми под толстой меховой курткой. Раздался скрежет камня о кость. Туша сдвинулась на пол-локтя.

Толпа ахнула. Кто-то зааплодировал. Аплодисменты подхватили другие, и вот уже вся улица гремела овациями, отдаваясь эхом от каменных стен. В Лео полетел цветок. Какой-то дурак бросил под ноги монстру венчик из зимних ягод. Цветок ударился о синий нарост на плече тролля и отлетел в грязь.

— В «Золотую кружку» его! — крикнули из толпы. — Ставлю серебро, что он вырежет сердце прямо на столе! — В Храм! Пусть жрецы благословят сталь, убившую такую тварь! — К герцогу! Немедленно к герцогу!

Лео проигнорировал всех. Его путь лежал не в храм, не в замок и не в пьяную таверну. Его путь лежал в Гильдию.

Улица начала забирать вверх. Нельвия строилась на холмах, и Гильдия Охотников за Головами располагалась на самом высоком — Каменном Зубе. Чтобы добраться туда, нужно было пройти через Нижний город, где запах нечистот смешивался с ароматом свежего хлеба, миновать Торговый квартал и начать тяжелый подъем по Старой Лестнице.

С каждым шагом толпа редела. Восторг толпы — ресурс быстро истощаемый. Зевакам было любопытно поглазеть на монстра у ворот, но тащиться за ним два километра в гору по морозу желающих было немного. К тому моменту, когда Лео выбрался из лабиринта узких улочек Нижнего города, за ним следовала лишь небольшая группа самых преданных — в основном такие же, как он, помятые мужики в шрамах, да пара уличных мальчишек, надеявшихся на подачку.

Лео остановился, чтобы перевести дух. Он отпустил цепь и уперся руками в колени. Легкие горели. Воздух, врываясь в горло, царапал его острыми ледяными иглами. Он сплюнул. На снегу осталась темная капля. Кровь. Не тролля — его собственная. От напряжения лопнул сосуд в десне.

— Эй, Волк! — окликнул его старый наемник по кличке Ржавый, опираясь на зазубренный фальшион. — Неужто сам завалил? Не поверю, пока не увижу, как ты его рубил.

Лео выпрямился. Боль в пояснице прострелила до самого затылка. Он посмотрел на Ржавого. Не зло, не свысока. Просто посмотрел. И старый наемник, переживший три осады Нельвии, вдруг нашел что-то очень интересное у себя под ногами. — Сам, — коротко бросил Лео и снова взялся за цепь.

Старая Лестница была испытанием даже для здоровых. Двести семьдесят три ступени, вырубленные прямо в скале, скользкие от наледи и нечистот. Лео шел по ним, считая про себя. Это помогало не думать о боли. *Раз.* Туша содрогается, когда цепь натягивается на повороте. *Два.* Левое колено хрустит, принимая вес тела. *Три.* Сердце бьет в ребра, как в барабан.

Мальчишки отстали на середине подъема. Сверху, от массивных дубовых дверей Гильдии, обитых бронзовыми полосами, уже спускались люди.

Первым вышел мастер-наставник Горан. Огромный, как медведь, с абсолютно лысой головой, на которой мороз выбелил остатки щетины. Он был одет не в броню, а в простую стеганую куртку, заляпанную чернилами. В руках он держал не оружие, а счеты.

Горан остановился на верхней ступени, перегородив собой проход. Он молча смотрел, как Лео, пошатываясь, преодолевает последние метры.

Лео дотащил тролля до площадки перед дверями и вбил стальной клин цепи в специальную выемку в брусчатке. Звук металла в наступившей тишине прозвучал как удар колокола.

— Сорок шестой уровень, — хрипло сказал Лео, не здороваясь. — Самец. Взрослый. Вес около трех тысяч фунтов. Повреждения: правый глаз выбит, левая передняя лапа сломана в предплечье, но это сделал я уже после смерти, когда вязал. Смерть — точный удар клевцом в основание черепа. Разрыв спинного мозга.

Горан перевел взгляд с туши на лицо Лео. На лице мастера не отразилось ни удивления, ни восхищения. Только легкая тень раздражения. — Ты опоздал на три дня, — сказал Горан. — Контракт на северные пустоши закрывается в полдень вчерашнего дня.

Толпа, собравшаяся на площади, возмущенно загудела. Кто-то выкрикнул, что это произвол.

Лео усмехнулся. Уголки его губ потрескались от мороза, и усмешка выглядела как гримаса боли. — Контракт на патрулирование пустошей — да, — согласился он. — Но в приложении к контракту, параграф четырнадцать, пункт «б», указано: «За каждую подтвержденную голову монстра, превышающую сороковой уровень опасности, выплачивается премия в размере ста золотых империалов, вне зависимости от сроков патрулирования, при условии доставки образца в анатомический зал Гильдии».

Горан моргнул. Его массивная челюсть чуть дрогнула. Он не любил, когда наемники знали устав лучше него.

— Ты притащил падаль, — буркнул мастер, кивая на посиневшую кожу тролля. — Она начала разлагаться. Вес потерян. Комиссия снизит цену на пятнадцать процентов за порчу материала.

— Я бросил северное святилище три дня назад, — ровно ответил Лео. — Троль был свежим, когда я проломил ему череп. То, что он замерз в камень и не воняет — это проблема вашего подвала, а не моего маршрута. Я тащил его на себе от самых Врат Ветров. Если бы я оставил его там, через неделю от него бы остались только обглоданные волками кости, и вы не получили бы ничего. Снимайте свои пятнадцать процентов, мастер. Я хочу получить свои деньги.

Горан долго смотрел на него. В ледяных глазах Лео не было ни мольбы, ни страха. Только цифры. Сто золотых за голову. Пятьдесят за глаза. Двадцать за желчный пузырь. Десять за когти. Математика выживания.

— Открыть анатомический зал, — бросил Горан через плечо. — И ворота на площадь. Мне не нужны зеваки, когда мы будем снимать шкуру.

Двое младших писцов, одетых в серые мантии Гильдии, бросились исполнять приказание. Тяжелые двери распахнулись, обдав Лео волной теплого, пахнущего кровью, спиртом и формалином воздуха.

Внутри Гильдия пахла иначе, чем снаружи. Снаружи пахло жизнью — грязью, потом, страхом и надеждой. Внутри пахла смерть. Аккуратная, каталогизированная, разложенная по полкам смерть.

Лео вошел в главный зал. Его сапоги оставляли грязные следы на мраморном полу. Он прошел мимо витрин, где в растворе плавали глаза василисков, мимо стеллажей с черепами мантикор, мимо карт, утыканных разноцветными иглами.

Он рухнул на дубовую скамью у огромного, еще теплого камина. Огонь лизнул промерзшую кожу сапог. По телу прошла первая волна жара, от которой едва не вывернуло наизнанку. Переход от смертельного холода к теплу — самое тяжелое испытание для охотника.

— Воды, — бросил Лео в пространство.

Рядом тут же возник один из писцов со стеклянным кувшином. Лео вырвал его из рук парня и осушил в три глотка. Зубы заломило от ледяной воды.

В зал, облаченные в кожаные фартуки, вошли анатомы. Четверо крепких мужиков с пилами и крючьями. Они остановились над тушей тролля, оценивая фронт работ. Один из них, самый молодой, неуверенно ткнул монстра крюком в брюхо.

— Мастер Лео, — подошел к нему Горан. Теперь в его голосе не было раздражения. Только сухой, деловой интерес. — Сорок шестой уровень. Это третий такой за год. — Второй, — поправил Лео, протягивая руки к огню. — Сорок седьмой был в марте. Его убил Северин. — Ах да. Тот, что лишился руки. — Тот, что лишился головы, — равнодушно уточнил Лео. — Руку он потерял позже, на гоблинах. Пил перед выходом.

Горан хмыкнул. Он достал из-за пазухи трубку, но раскуривать не стал — в зале с анатомическими образцами курить запрещалось под страхом увольнения. — Зачем тебе деньги, Волк? — спросил мастер, глядя в огонь поверх головы Лео. — Ты приносишь больше золота, чем весь остальной состав Гильдии вместе взятый. За прошлый год ты закрыл контрактов на две тысячи империалов. Ты мог бы купить себе баронство где-нибудь на Солнечном Берегу. Посадить виноград. Завести жену, которая бы стирала тебе портянки.

Лео медленно повернул голову. Его глаза, оттаявшие у огня, снова стали просто карими, человеческими. Но взгляд оставался тяжелым. — Чтобы что, Горан? — тихо спросил он. — Чтобы через год спиться от скуки? Чтобы меня зарезал какой-нибудь ревнивый булочник из-за моей хмурой рожи? Там, на севере... там все просто. Есть тварь. Есть ты. Кто-то из вас двоих перестает дышать. Мне нравится быть тем, кто продолжает дышать. А деньги... — он кивнул на тролля. — Деньги — это просто способ купить право не сдохнуть в следующий раз. Хорошая сталь стоит дорого. Хорошие эликсиры — еще дороже.

— А жизнь? — спросил Горан. — Сколько стоит просто жизнь?

Лео посмотрел на свои руки. Костяшки были сбиты в кровь и покрыты черной коркой — смесью троллей крови и дорожной пыли. Под ногтями чернела грязь. — Жизнь ничего не стоит, мастер, — сказал он. — Она дается бесплатно. И забирают ее тоже бесплатно. Мы платим только за отсрочку.

В зал вошли счетчики с пергаменами. Началась долгая, унижительная процедура. Тролля подвесили за задние лапы на огромный блок. Анатомеры взяли за ножи.

Лео сидел у огня, закрыв глаза, и слушал. Ш-ш-шхак — нож входит в синюю кожу. Тролля шкура невероятно прочная, ее нужно пилить. Чвак — лезвие проходит через слой жира. Звяк — на каменный пол падает первый тяжелый мешок с камнями-накопителями из желудка твари. — Тридцать фунтов! — восторженно орет счетчик. — Камни четвертого класса! Плюс сорок золотых к сумме!

Лео не шевелился. Он знал, что к вечеру его доля составит сто восемьдесят три империала, сорок два серебряных и горсть меди. Огромные деньги.

Он думал о снеге. О том, как он воет в ущельях Врат Ветров. О том, как хрустит наст под ногами, когда ты идешь по следу. О том, как тихо становится в лесу, когда на тебя падает тень чего-то по-настоящему огромного.

— Эй, Волк! — голос Горана вырвал его из полузабытья. — Ты спишь?

Лео открыл глаза. Анатомеры уже заканчивали. От трехтонной туши остались только кости, которые отправят на костяную муку, и голова, которую выставят в Зале Славы Гильдии.

— Держи, — Горан бросил на скамью рядом с Лео тяжелый кожаный кошель. — Считай.

Леог ловко поймал его. Пальцы, привыкшие к рукояти меча, сноровисто развязали тесемки. Он не стал высыпать золото на стол. Он просто взвесил кошель в руке, прислушиваясь к знакомому, успокаивающему звону.

— Здесь все, — сказал Горан. — И премия за глаза. Они у него оказались мутно-фиолетовыми. Редкий оттенок, алхимики дадут хорошую цену.

Лео затянул тесемки. — Я иду в «Сломанный клык», — сказал он, тяжело поднимаясь. Ноги затекли и теперь гудели. — Если Северин или Ржавый спросят, где их доля за патруль, скажи, что я оставил у тебя. Вычтешь за еду и выпивку. — Ты не останешься на взвешивание сердца? — удивился Горан. — Там почти пять фунтов чистого магического мускула. Это еще двадцать монет. — Оставь себе, — Лео накиннул на плечи меховой плащ. — На выпивку в «Клыке» уйдет больше. Считай это чаевыми за то, что открыл ворота.

Он пошел к выходу, ступая по лужам крови и ошметкам синей плоти. Никто не пытался его остановить. В Гильдии знали: когда Волк возвращается с добычей, он сначала отдает долги Гильдии, потом платит за еду, а потом ему нужно побыть одному. Или не одному, но в месте, где стены обиты дубовыми панелями, а не человеческой глупостью.

Дверь за ним закрылась, отсекая теплый смрад анатомического зала. Лео снова оказался на улице. Снег в Нельвии по-прежнему падал с серого неба, смешиваясь с сажей. День клонился к вечеру. Зажигались первые магические фонари, заливая улицы тусклым оранжевым светом.

Лео поправил кошель на поясе. Он приятно оттягивал ремень, обещая неделю спокойствия. Неделю, когда не нужно будет жевать подмороженную вяленую конину. Неделю, когда можно спать на чистых простынях, не прислушиваясь к хрусту веток за пологом палатки.

Он глубоко вдохнул городской воздух. Пахло гарью, мокрым камнем и близкой оттепелью.

Праздник закончился. Восторг толпы остался за тяжелыми дверями Гильдии. Впереди была только усталость и темная, пахнущая кислым пивом пивная, где такие же, как он, убийцы чудовищ, будут хлопать его по плечу, требуя рассказать, как именно он проломил череп твари.

Лео надвинул капюшон на глаза и шагнул в сумерки. Он шел считать монеты, которые завтра снова обменяет на сталь, чтобы купить себе еще один день жизни. День, в котором снова придется убивать.

Глава 2. Награда и «Белая Чайка»

Улицы Нельвии к вечеру превращались в канализацию для человеческих пороков. Если утром город пах снегом, дымом и свежим хлебом, то с наступлением сумерек вонь нечистот, пролитого эля и дешевых благовоний становилась настолько плотной, что ее, казалось, можно было резать ножом. Лео любил это время. Оно было честным. Оно не пыталось казаться лучше, чем есть на самом деле.

Он шел по Кривому переулку, намеренно выбирая самые темные и узкие проходы. Здесь не патрулировала городская стража — у капитана стражи были свои договоренности с Гильдией, и охотников за головами в их рабочих кварталах не трогали. Здесь правила бал не буква закона, а вес кошелька и острота клинка.

Лео чувствовал на себе взгляды из подворотен. Мелкие душегубы, карманники и обдолканные дурью студенты Академии. Они чуяли золото так же безошибочно, как стервятники чуют падаль. Кожаный кошель на его поясе весил достаточно, чтобы купить небольшую таверну вместе со всеми шлюхами и бочками в подвале.

Один из них не выдержал. Тень отделилась от мокрой кирпичной стены. Слишком резко, слишком самоуверенно. В руке блеснуло дешевое железо — скорее всего, переделанный кухонный тесак. — Кошелек, — просипел грабитель, преграждая путь. Его дыхание пахло брагой и гнилыми зубами. — И плащ. Медленно.

Лео остановился. Он не положил руку на эфес фальшиона, висевшего за спиной. Он просто посмотрел на парня. Усталость, накопленная за неделю в снегах и час перетаскивания тролля, внезапно кристаллизовалась в нечто холодное и острое.

— У меня был тяжелый день, — ровным голосом сказал Лео. — Я убил снежного тролля сорок шестого уровня. Я тащил его тушу на цепи от Врат Ветров до Гильдии, пока мои ладони не стерлись до мяса. Я хочу выпить горячего вина и уснуть в тепле. Если ты сейчас не исчезнешь в той щели, из которой вылез, я заберу твой нож и вырежу им тебе язык. Просто чтобы ты перестал портить здешний воздух.

Грабитель на секунду опешил. Он ожидал страха, сопротивления или быстрой схватки. Он не ожидал монолога. Этого замешательства хватило. Лео сделал шаг вперед. Он не угрожал, не замахивался. Он просто шагнул, оказавшись в личном пространстве парня. Тот инстинктивно отшатнулся, поскользнулся на гнилых овощах и рухнул в сточную канаву. Железо со звоном ударилось о камни.

Лео перешагнул через него и пошел дальше, даже не оглянувшись. Позади раздались торопливые, хлюпающие шаги — дружки неудачливого грабителя утаскивали его во тьму.

«Белая Чайка» стояла на стыке Кривого переулка и Аллеи Фонарщиков. Снаружи заведение выглядело как обычный доходный дом — три этажа темного кирпича, плотно закрытые ставни. Единственным отличием была медная вывеска, начищенная до неестественного блеска. На ней была изображена птица с неестественно длинной шеей и распростертыми крыльями. Работа местного пьяницы-кузнеца, который, по слухам, никогда в жизни не видел чаек, но зато отлично умел гнуть металл, пока был в запое.

Лео толкнул тяжелую дубовую дверь.

Его встретило тепло.

Оно ударило в лицо плотной, осязаемой волной. Жар от огромного очага в центре зала, тепло сотен свечей, дыхание десятков людей и запах... О, этот запах. Запах «Белой Чайки» был запахом абсолютной, ничем не замутненной свободы. Пахло жареным на вертеле поросенком, корицей, дорогим табаком из Южных колоний, духами «Слеза русалки» и женским телом.

Шум обрушился следом за теплом. Смех, звон бокалов, стук костей по деревянным столам, пьяные споры о политике герцога и, над всем этим — тягучая, надрывная мелодия лютни.

Музыкант сидел на возвышении в углу, его пальцы летали по струнам, а лицо выражало такую вселенскую скорбь, словно он оплакивал гибель собственной души.

Как только Лео переступил порог, время для него замедлилось.

Первым его учуял вышибала — огромный, лысый детина по кличке Бочка, бывший легионер, потерявший левую руку при осаде Маренгра. Бочка не носил оружия. Ему оно было не нужно. Он стоял у стены, похожий на кусок скалы, и лениво жевал соломинку. Увидев Лео, он едва заметно кивнул.

Вторым его заметил хозяин. Мадам Элара.

Она не восседала на троне, как это любят показывать в дешевых пьесах. Она стояла за стойкой из красного дерева, протирая бокал белоснежным полотенцем. Элара была женщиной неопределенного возраста — ей могло быть и сорок, и шестьдесят. Ее лицо, не тронутое дешевой косметикой, хранило следы былой красоты, а в глазах цвета выдержанного виски плескался ум, способный разорить половину торгового сословия Нельвии, если бы она того захотела.

— Волк, — сказала она, и ее голос перекрыл половину шума в зале. — Ты пахнешь смертью и мокрой псиной.

Лео позволил себе тень улыбки. В «Белой Чайке» не было места титулам. Здесь не было «мастера Гильдии» или «графа ди Фальконе». Здесь был только ты. Твоя суть. — Тролль не псина, Элара. У него воняло изо рта.

Зал начал оборачиваться. Это происходило не сразу. Сначала замолкла лютня. Потом стихли споры за ближайшими столами. По цепочке, от стола к столу, пошла волна тишины. К моменту, когда Лео подошел к стойке, в «Белой Чайке» было слышно только, как трещат поленья в очаге и как за окном воет ветер.

Они не боялись его. В Нельвии, где человеческая жизнь стоила дешевле заточки, страх был плохой валютой. Они его уважали. Лео был их легендой. Не той, что рассказывают менестрели в сияющих залах герцога, приукрашивая подвиг и добавляя драконов. А настоящей. Легендой о парне, который выходит в ледяную пустошь, где замерзает даже спирт, и возвращается с золотом в кармане и чужой смертью на руках.

— Бочка, его стол, — бросила Элара, не глядя на вышибалу.

Бочка тут же вышел из тени и подошел к центральному столу — тому самому, что стоял на небольшом возвышении у самого очага, с лучшим обзором на дверь и лестницу наверх. За этим столом могли сидеть четверо, но сейчас он был девственно чист. Бочка смахнул невидимую пыль огромной ладонью.

— Садись, — сказала Элара. — Снимай свои смердящие доспехи. Марта!

Из боковой двери, ведущей на кухню, выпорхнула девушка. Совсем юная, лет восемнадцати, с копной огненно-рыжих волос и россыпью веснушек на курносом носу. Марта была новенькой. Лео не помнил ее — в прошлый свой визит, месяц назад, ее здесь не было. Она была одета в простое, но дорогое льняное платье цвета слоновой кости, которое выгодно подчеркивало фигуру, но не выглядело вульгарным.

Марта подбежала к Лео. В ее глазах не было привычной профессиональной похотливости, которую он привык видеть у девиц из дешевых борделей. Там было чистое, почти детское любопытство и... опаска. — Господин Лео, — пролепетала она, делая неуклюжий книксен. — Мадам Элара велела... она сказала, что вы захотите «Слезу Дракона», 912-го года. И что вам нужно горячее.

Лео стянул с головы капюшон. Обнажились его коротко стриженные, жесткие как проволока волосы, чуть тронутые сединой на висках, несмотря на его тридцать с небольшим лет. — Мадам Элара слишком хорошо меня знает, — он перевел взгляд на девушку. — Как твое имя? — Марта, господин. — Марта, сними с меня пояс. Только медленно. И не пытайся украсть нож, у него отравленное лезвие, а антидота на тебя не хватит.

Рыжая вспыхнула до корней волос, но руки не дрогнули. Она аккуратно, двумя пальчиками, взялась за тяжелую кожаную портупею. Лео развел руки, позволяя ей снять лямки. Пояс с фальшионом, кинжалами и кошельком лег на край стойки с глухим стуком.

Элара уже протягивала ему бокал.

Это была не стеклянная посуда. Это был тяжелый, граненый хрусталь, который стоил больше, чем годовая зарплата капитана городской стражи. Внутри плескалась густая, маслянистая жидкость темно-рубинового цвета. «Слеза Дракона». Вино, которое делают только в одном винограднике мира, на южных склонах Драконьего Хребта. Лоза растет на вулканическом пепле, а ягоды собирают голыми руками слепые монахи в ночь кровавой луны.

Лео взял бокал. Стекло обожгло пальцы холодом. Он вдохнул аромат. Ноты черной смородины, горького шоколада и чего-то неуловимо пряного, от чего голова начинала кружиться еще до первого глотка.

Он сделал глоток.

Вино растеклось по языку, выжигая вкус дорожной пыли, крови и талого снега. Оно было густым, как мед, и горячим, хотя бокал оставался ледяным. Лео закрыл глаза.

— Я скучала по твоему угрюмому лицу, Волк, — сказала Элара, наливая ему вторую порцию. — Гильдия прислала вестового. Говорят, ты разорил их подвал трофеев. — Я принес им достаточно костей, чтобы они могли перестать кланчить деньги у герцога, — Лео открыл глаза и посмотрел на Марту, которая все еще держала в руках его пояс. — Положи его на стул, девочка. И иди на кухню. Скажи повару, что я хочу мяса. Много мяса. С кровью. И печеный картофель с розмарином.

Марта кивнула, бросила на него последний, полный обожания взгляд и упорхнула.

Лео сел за стол. Бочка тут же поставил рядом с ним подсвечник на три свечи. Тени заплясали по грубому дереву столешницы.

Постепенно «Белая Чайка» снова начала гудеть. Музыка возобновилась, но теперь она была тише, фоном. Лео пил вино мелкими глотками, чувствуя, как отпускает напряжение в плечах.

К нему начали подходить.

Сначала — Северин, его единственный напарник, с которым он ходил в пустоши чаще, чем с кем-либо еще. Лицо Северина напоминало старую карту — все в шрамах, один глаз искусственный, из дымчатого кварца. — Садись, старый хрыч, — Лео кивнул на свободный стул. — Выпей за мой счет. — За твой счет сегодня пьет вся Нельвия, — Северин тяжело опустился на стул. Он был без доспехов, в простой рубахе, но даже так занимал слишком много места. — Видел твою игрушку у Гильдии. Хороший был тролль. Жаль, мертвый. — Он сопротивлялся, — пожал плечами Лео. — Они всегда сопротивляются. В этом их главная ошибка.

Северин махнул рукой, и одна из девиц — не Марта, а опытная, пышногрудая Лили с татуировкой змеи на плече — принесла ему кружку темного пива.

Затем подтянулись остальные. Ржавый, который пытался заговорить с ним у ворот. Двое братьев-арбалетчиков, чьи лица были одинаково обезображены кислотой болотных троллей. Даже молодой щеголь из Золотой Сотни, сынок какого-то барона, который приходил в «Чайку» поиграть в опасную жизнь, осмелился кивнуть Лео.

Лео принимал их приветствия. Кивал, отвечал односложно. Он был центром этого круга, его тихим, смертоносным сердцем, но сам он чувствовал себя здесь зрителем. Он смотрел, как они пьют, как лапают девиц, как хвастаются шрамами. Он был одним из них, лучшим из них, но между ним и ими всегда стояла невидимая стена. Стена из белого снега Врат Ветров. Он видел то, что ломает людей за один день. Он смотрел в глаза смерти так долго, что перестал видеть в ней трагедию. Для него она была просто работой.

Марта вернулась с подносом.

Она с трудом удерживала тяжесть. Огромное деревянное блюдо, на котором возлежала половина зажаренного поросенка. Корочка была темно-золотой, хрустящей, и Лео почувствовал, как рот наполняется слюной. Рядом дымилась гора картофеля, политого растопленным маслом с зеленью.

— Мадам Элара сказала, что вы не едите овощи, — сказала Марта, ставя блюдо перед ним, — поэтому я принесла вместо салата маринованные сливы.

Лео посмотрел на нее. На ее дрожащие от тяжести руки. На то, как она старается держать спину прямо, подражая манерам Элара. — Спасибо, Марта, — сказал он.

Это было простое слово. Но в оглушающей тишине, которая снова на секунду воцарилась вокруг их стола, оно прозвучало как благословение. Девушка просияла.

Лео взял нож. Не свой, отравленный, а обычный столовый нож с серебряной ручкой. Он вонзил его в бок поросенка. Хрустнула корочка. Брызнул сок. Лео отрезал огромный кусок, захватив и мясо, и тающий жир, и отправил его в рот.

Это был вкус жизни.

Он жевал медленно, осознанно, чувствуя, как животный белок и тепло возвращают силы его измученному телу. Вино «Слеза Дракона» идеально дополняло жирное мясо, смывая послевкусие.

— Расскажешь? — тихо спросил Северин, отхлебывая пиво.

Лео покачал головой. — Там нечего рассказывать, Север. Снег. Ветер. Тролль стоял над тушей мамонта. Он был тупым, но очень злым. Я зашел с подветренной стороны. Бросил крюк. Он дернулся, упал в расщелину и сломал лапу. Мне осталось только подойти и ударить. Три раза. — Три раза? — присвистнул Ржавый, прислушивавшийся к разговору. — Я слышал, их череп тверже гранита. — У основания, где шея соединяется с затылком, есть стык, — монотонно пояснил Лео, пережевывая картофель. — Если знать анатомию, туда можно пробить даже клевцом. Главное — не попасть по наростам. От них оружие отскакивает.

Он говорил это не для того, чтобы похвастаться. Он просто констатировал факты. Для него это не было подвигом. Это был разбор полетов.

Вино делало свое дело. Тепло от очага, тяжесть в желудке, мягкий свет свечей — все это размывало острые углы реальности. Лео почувствовал, как его веки тяжелеют. Впервые за неделю он был в безопасности. Ему не нужно было слушать вой ветра. Ему не нужно было проверять, не примерзла ли дверь палатки.

— Ты спишь на ходу, Волк, — сказала Элара, подходя к столу и забирая пустой бокал. — Вторая бутылка будет лишней. — Я не сплю, — возразил Лео, хотя его язык слегка заплетался. — Я экономлю силы. — Ты экономишь силы уже полчаса с закрытыми глазами.

Элара щелкнула пальцами. Марта, которая все это время крутилась неподалеку, тут же подбежала. — Отведи господина Лео в Лунный покой, — приказала Элара. — Набери ванну. Добавь масло кедра, он это любит. И не смей к нему лезть, пока он сам не попросит.

Марта покраснела, но снова кивнула. — Иди за мной, господин, — тихо сказала она.

Лео тяжело поднялся. Ноги, привыкшие к твердому насту, плохо слушались на ровном полу. Он кивнул Северину. — Не теряй завтра голову. — Ты тоже, Волк.

Лео пошел за Мартой. Они поднялись по широкой винтовой лестнице на второй этаж. Здесь ковры глушили шаги, а воздух был пропитан сандалом. Коридор освещался магическими лампами, дающими мягкий, не режущий глаза свет.

Марта остановилась у самой дальней двери. — Это Лунный покой, — прошептала она, поворачивая ключ в замке. — Мадам Элара держит его только для самых... особенных гостей.

Дверь открылась, и Лео замер на пороге.

Это была не комната. Это был дворец в миниатюре. Огромная кровать под балдахином из темно-синего бархата. Стены обиты шелком цвета грозового неба. Но главное — огромное, во всю стену, окно, выходящее во внутренний двор «Белой Чайки». Сейчас, ночью, оно было

черным как смоль, но Лео знал: если отдернуть шторы, днем оттуда откроется вид на сад, где растут белые розы, которые цветут даже в заморозки.

В углу стояла медная ванна на львиных лапах. От нее поднимался густой пар.

— Я... я помогу вам раздеться, господин? — неуверенно спросила Марта, закрывая дверь изнутри.

Лео посмотрел на нее. На ее юное лицо, на котором читалась смесь страха и желания понравиться. Он вспомнил себя в ее возрасте. Грязного, злого мальчишку в порту, готового убить за кусок хлеба.

— Не сегодня, Марта, — мягко сказал он. — Ты хорошая девочка. Но сегодня я хочу просто сдохнуть. В смысле, уснуть.

Он бросил на кресло у камина свою куртку. Затем стянул через голову пропотевшую, задубевшую от пота и крови рубаху. Ткань затрещала.

Марта тихо ойкнула и отвернулась. — Простите, господин.

Лео посмотрел на свое отражение в начищенном серебряном подносе, стоявшем на комод. Он не был похож на героя. Он был похож на кусок сырого мяса. Грудь и плечи покрывала сеть шрамов — белые, рваные полосы от когтей гарпий, темные пятна от ожогов саламандр, точечные следы от укусов ледяных пауков. Его тело было картой его долгов перед смертью. На левом боку красовался особенно уродливый шрам — там, где тролль в их прошлой вылазке почти достал его, вырвав кусок плоти.

Он был машиной для убийства. Биологическим оружием. И сейчас эта машина требовала техобслуживания.

Лео подошел к ванне и опустил в кипяток.

Ударило жаром. Он зашипел сквозь зубы, но не пошевелился. Горячая вода начала свою работу. Она вбирала в себя грязь Врат Ветров, холод пустошей и усталость. Кожа, белая как мрамор от вечного мороза, начала розоветь.

Марта, справившись с первым смущением, подошла с куском дорогого лавандового мыла и мочалкой. — Позвольте? — спросила она уже увереннее.

Лео кивнул.

Ее руки были нежными. Совсем не похожими на руки шлюх из дешевых заведений, которые трут тебя так, словно хотят содрать кожу вместе с грязью. Марта работала осторожно, боясь задеть шрамы. Она мыла его плечи, спину, волосы. Лео откинул голову на край ванны и закрыл глаза.

Это было самое опасное чувство в мире. Безопасность. В «Белой Чайке» его не могли убить. Здесь не было врагов, только собутельники. Здесь не было контрактов, только золото, которое уже в кармане. Здесь о нем заботились.

Именно в такие моменты, когда тело расслаблялось в горячей воде, а разум тонул в сытой неге, к нему всегда приходили воспоминания. Те, которые он гнал от себя снегом и болью.

Лицо матери. Она умерла от чахотки, когда ему было семь. Он помнил только ее сухие, горячие ладони и запах трав. Лицо отца. Он не помнил его совсем. Только тяжелый сапог, выбивающий из-под него табуретку в портовом кабаке.

Лео тряхнул головой. Вода плеснула на пол. — С вами все в порядке? — встревоженно спросила Марта. — Песчинка в глаз попала, — солгал Лео. — Потри сильнее.

Она продолжила. Когда она закончила, Лео был чистым впервые за десять дней. — Полотенце, — прохрипел он.

Марта подала ему огромную пушистую простыню. Он выбрался из ванны, вода в которой стала серой от грязи. Вытерся. Кожа горела.

— Рубаху для сна, — сказал он.

Марта принесла ему тонкую льняную сорочку. Лео натянул ее. Ткань приятно холодила разгоряченное тело. — Теперь ты можешь идти, — сказал он. — Передай Эларе мою благо-

дарность. И скажи, чтобы меня не будили до полудня, даже если начнется пожар или герцог решит штурмовать бордель.

— А если... — Марта замялась, теребя край фартука. — Если вы захотите... согреть постель? Я могу остаться.

Лео посмотрел на кровать. На белоснежные простыни, на гору подушек. Он представил, как ляжет туда сейчас. Как обнимет теплое, живое тело этой девочки. Как почувствует ее дыхание на своей груди.

Это было бы легко. Слишком легко.

Секс в «Белой Чайке» был частью терапии. Способом доказать себе, что ты еще жив, что кровь в твоих жилах течет не только для того, чтобы питать мышцы для удара. Но сегодня... сегодня он был слишком пуст. Физически он был истощен, но ментально — он был перегружен тишиной. После недели воя ветра оглушающая тишина роскошной спальни давила на барабанные перепонки.

— Не сегодня, Марта, — повторил он. — Ты слишком чистая для моей грязи. Иди.

Девушка присела в книксене. В ее глазах блеснули слезы обиды, но она была вышколена Эларой. Она не стала спорить. — Спокойной ночи, господин Лео.

Дверь закрылась. Щелкнул замок.

Лео остался один.

Он подошел к окну. За толстым стеклом бушевала метель. Снежинки бились о стекло, как обезумевшие мотыльки. Там, за этой стеной, была смерть. Там замерзали люди, там бродили твари, там кровь мгновенно превращалась в лед в ранах.

А здесь было тепло. Пахло кедром, лавандой и дорогим вином.

Лео задул свечи на комодке одну за другой. Комната погрузилась в полумрак, освещаемый только багровыми отблесками углей в камине.

Он дошел до кровати и рухнул на нее, не заботясь о том, что испачкает чистые простыни остатками дорожной пыли на ногах.

Он зарылся лицом в подушки. Они пахли чем-то цветочным и... безопасным.

«Это мой дом, — подумал он, проваливаясь в вязкую темноту сна. — Не стены. Не герцогский замок. Этот запах. Этот шум внизу. Это забвение. Это единственное место, где мне не нужно быть Лео. Где я могу просто перестать дышать на несколько часов, пока мое тело латает дыры, оставленные троллем».

Сон навалился мгновенно, тяжелый и черный, как зимняя ночь за окном. Но впервые за долгое время ему ничего не снилось. Ни ледяные пустоши, ни глаза умирающих товарищей, ни бездонная пасть снежного тролля.

Ему снилась только тишина. И это было самым страшным и самым желанным сном в его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.